

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1'374.73:81'282.2(470.43)+81'374.3

Дата поступления: 12.08.2021
рецензирования: 22.09.2021
принятия: 26.11.2021

Типологическое своеобразие вторичных говоров с южнорусской основой в Среднем Поволжье

Т.Е. Баженова

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: bazhenova@pgsga.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4151-0686>

Аннотация: В статье освещается проблема типологии говоров Среднего Поволжья. Особое внимание уделяется вторичным говорам с признаками южнорусских диалектных основ, статус которых в поволжских атласах определяется неоднозначно. Обозначается ареал описываемого диалектного типа. Указывается на то, что в левобережной части Среднего Поволжья, в так называемом Заволжье, велика вероятность существования вторичных среднерусских говоров с сохранением признаков южнорусских материнских основ. В качестве основного источника используются данные региональных атласов. Привлекаются материалы диалектологических экспедиций в села Самарской области. Описание типологических характеристик вторичных говоров с южной основой, которые обозначены на картах региональных атласов как среднерусские, базируется на анализе изоглосс фонетических, грамматических и собственно лексических диалектных явлений. В говорах с завершившимся переходом в среднерусские типологически значимыми южнорусскими чертами являются типы яканья с сохранением диссимилиации гласных, смычно-взрывное (англ. obstruent) произношение *z* вторичного происхождения и другие фонетические, морфологические и лексические особенности, составляющие ряды двучленных диалектных соответствий. По языковым основам такие говоры часто полидиалектны. В отдельных говорах южнорусская основа не вызывает сомнения – и можно констатировать только начало перехода в среднерусский тип. Поднимается вопрос о существовании вторичных диалектных типов, сформировавшихся в результате ассимиляции говоров южнорусского наречия с другими говорами, не только в Поволжье, но и на других территориях с благоприятными условиями междиалектного контактирования. Делается вывод, что наличие среднерусского типа и южнорусских основ в описываемых говорах возможно только при условии достаточного объема сведений по типологически значимым уровням диалектного языка, на которых системные отношения проявляются со всей очевидностью и которые представлены на лингвистических картах устойчивыми изоглоссами. Данные о вторичных типах говоров должны опираться на структурно-типологическую классификацию диалектных явлений различных уровней, включая лексический.

Ключевые слова: русский язык; диалект; говор; диалектный тип; структурно-типологическая классификация; вторичные говоры; Среднее Поволжье.

Цитирование. Баженова Т.Е. Типологическое своеобразие вторичных говоров с южнорусской основой в Среднем Поволжье // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 4. С. 160–167. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-4-160-167>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Баженова Т.Е., 2021

Татьяна Евгеньевна Баженова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, филологический факультет, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.08.2021
Revised: 22.09.2021
Accepted: 26.11.2021

Typological originality of secondary dialects with the south Russian basis in the Middle Volga Region

T.E. Bazhenova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation
E-mail: bazhenova@pgsga.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4151-0686>

Abstract: The article highlights the problem of the typology of dialects of the Middle Volga region. Particular attention is paid to secondary dialects with signs of South Russian dialect bases, the status of which in the Volga atlases is determined ambiguously. The area of the described dialect type is indicated. It is indicated that in the left-bank part of the Middle Volga region, in the so-called Trans-Volga region, there is a high probability of the existence of secondary Central Russian dialects with the preservation of signs of southern Russian maternal stems. The main source is data from regional atlases. The materials of dialectological expeditions to the villages of the Samara region are used. The description of

the typological characteristics of the secondary dialects with a southern base, which are designated on the maps of regional atlases as Central Russian, is based on the analysis of isogloss of phonetic, grammatical and proper lexical dialect phenomena. In dialects with a completed transition to Central Russian, typologically significant South Russian features are types of yakany with the preservation of vowel dissimilation, obstruent pronunciation of *g* of secondary origin and other phonetic, morphological and lexical features that make up the series of two-term dialectal correspondences. According to the linguistic basis, such dialects are often polydialectal. In some dialects, the South Russian basis is not in doubt, and we can only state the beginning of the transition to the Central Russian type. The question is raised about the existence of secondary dialect types, formed as a result of the assimilation of dialects of the South Russian dialect with other dialects, not only in the Volga region, but also in other territories with favorable conditions for inter-dialectal contact. It is concluded that the presence of the Central Russian type and South Russian bases in the described dialects is possible only if there is a sufficient amount of information on typologically significant levels of the dialect language, in which systemic relations are clearly manifested and which are represented on linguistic maps by stable isoglosses. Data on secondary types of dialects should be based on the structural-typological classification of dialectal phenomena of various levels, including the lexical one.

Key words: Russian language; dialect; subdialect; dialect type; structural-typological classification; secondary dialects; Middle Volga region.

Citation. Bazhenova T.E. Typological originality of secondary dialects with the south Russian basis in the Middle Volga Region. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 4, pp. 160–167. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-160-167>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Bazhenova T.E., 2021

Tatyana E. Bazhenova – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of the Russian Language, Culture of Speech and their Teaching Methodology; Philological Faculty, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky Street, Samara, 443099, Russian Federation.

Введение

Проблема типологии говоров Среднего Поволжья неоднократно рассматривалась в исследованиях диалектологов [Малаховский 1949; Баранникова 1975, 2000; Скобликова 1982; Мурзаева 2005, 2015, 2015а; Зиброва 2014; Барабина, Зиброва 2002], однако и сегодня нельзя считать ее решенной. Причины этого прежде всего кроются в недостаточном лингвогеографическом освещении говоров Среднего Поволжья.

Ход исследования

Общая типологическая характеристика говоров Среднего Поволжья базируется либо на приблизительном и неточном представлении их на первой диалектологической карте русского языка, составленной специальной комиссией Российской Академии Наук в 1914 году, либо на констатации их уникальной «пестроты» и генетического разнообразия. Согласно наиболее ранним источникам, средневожские говоры считаются преимущественно окающими говорами владимирско-поволжского типа, который, как свидетельствует первая диалектологическая карта, на данной территории является преобладающим [Дурново 1915, с. 25]. Этот вывод основан на не вполне точном, а местами ошибочном лингвогеографическом представлении говоров в Поволжье.

Нельзя при этом не учитывать и тот факт, что и сам термин «Среднее Поволжье» имеет в научной литературе различное содержание. Он получил широкое распространение лишь в первой половине XX в., и первоначально под Средним Поволжьем подразумевалась территория от Волго-Камского слияния до впадения реки Самары в Волгу. Позднее в историко-географических исследованиях в границах Среднего Поволжья рассматривали не

только Казанскую, Симбирскую и Самарскую губернии, но и Саратовскую [Цыганова 2015, с. 156], следовательно, в современном административном делении это территории Ульяновской, Саратовской и Самарской областей, а также Республики Татарстан. В отдельных диалектологических исследованиях термин «Среднее Поволжье» понимается по-прежнему более широко [Мызников 2005], а языковой ландшафт представляется «сложным конгломератом севернорусских, южнорусских и среднерусских говоров» [Мызников 2017, с. 122]. В своем исследовании мы рассматриваем только территории, охваченные региональными атласами русского языка, в первую очередь атласом говоров Среднего и Нижнего Поволжья [Баранникова 2000], то есть прилегающие к среднему течению р. Волга между 52,50° и 55,75° с. ш. в границах современных Ульяновской, Самарской и Саратовской областей, с частичным охватом территории Пензенской области, не вошедшей в «Диалектологический атлас русского языка» (ДАРЯ).

По данным лингвогеографии, в Среднем Поволжье следует отдельно рассматривать правобережную и левобережную часть территории. Правобережные говоры региона отличаются относительным единством, которое обусловлено преобладанием окающих говоров, а в заволжской части языковой ландшафт представляет собой сочетание окающих (владимирско-поволжских), среднерусских акающих говоров и говоров южнорусских. Диалектное членение отдельных континуумов вторичных говоров, так называемых говоров территорий позднего заселения, производится с учетом экстралингвистических и собственно лингвистических оснований (например, [Супрун, Брысина 2015] – волгоградские говоры на территории Нижнего Поволжья). В силу сложности языковой ситуации в

поволжском регионе, который справедливо называется перекрестком культур и языков, такой подход является вполне оправданным. В отношении же средневолжских говоров следует остановиться на собственно лингвистических признаках диалектных различий, так как носители русских говоров Среднего Поволжья не имеют заметных этнографических особенностей по сравнению с русским населением Центра России. С точки зрения языковых характеристик средневолжские говоры обладают признаками структурно-типологического сходства с центральными говорами, представленными в ДАРЯ, а на отдельных языковых ярусах имеют с ними несомненное генетическое единство [Баженова 2001, с. 6–21]. И все же об отдельных проявлениях типологического своеобразия средневолжских говоров следует сказать особо.

Одним из проявлений этого своеобразия является существование переходных диалектных типов, сформировавшихся на основе различных говоров южнорусского наречия. Основная часть среднерусских говоров с признаками южнорусских основ в Среднем Поволжье бытует в заволжской, левобережной части региона, на юге и юго-востоке Самарской области и в восточных районах Саратовской области. Т.И. Мурзаева отмечает, характеризуя саратовские среднерусские говоры: «В некоторых районах Левобережья южнорусские элементы настолько сильны, что порой трудно решить, южнорусский говор или среднерусский» [Мурзаева 2016, с. 182]. Например, в говоре с. Любичское Пугачевского района Саратовской области, отмеченном под № 417 на картах поволжского атласа как южнорусский говор [Баранникова 2000], присутствует умеренное яканье, *-т'* на конце глаголов 3 лица, формы инфинитива типа *гресть, плесть*, возвратные глаголы с постфиксом *-си* (*боялси*), согласование существительных среднего рода по женскому. В говоре также зафиксированы смычно-взрывное произношение *z*, твердое *ч* наряду с мягким *ш'ш'*, вариативность в употреблении форм местоимений *меня, тебя* и *мене, тебе* и преобладание общеупотребительной лексики над диалектной (*ухват, ковиш, суягная, брезговать*). С другой стороны, среднерусским считается говор с. Милорадовка Краснопартизанского р-на Саратовской области (№ 430), в котором отмечено умеренное яканье, фрикативное *γ*, мягкое *-ть* на конце глаголов 3 лица при единичных случаях твердого *-т* и формы типа *у меня*. В правобережной части Среднего Поволжья выделяется среди других среднерусский акающий говор с. Анненково Кузнецкого района Пензенской области (№ 235), в котором зафиксировано ассимилятивно-диссимилятивное яканье, фрикативное *γ*, мягкое *-ть* на конце глаголов 3 лица и формы типа *у меня*, лексемы *квашня, ковиш, сковородник, ухват, суягная* и др. языковые черты, характерные для большинства среднерусских говоров и литературного языка. Сделанные

наблюдения позволяют сделать вывод, что четких критериев разграничения, с одной стороны, южнорусских говоров с наметившимся переходом в среднерусские и, с другой стороны, среднерусских говоров с южнорусской основой пока не существует. Думается, что первые представляют собой вполне обычное явление в южнорусских говорах любой территории, если брать во внимание усиливающееся влияние литературного языка, а вот вторые встречаются реже и могут служить проявлениями своеобразия диалектного ландшафта.

Предположение о существовании вторичных говоров, сформировавшихся в результате ассимилирующего воздействия среднерусских говоров на южнорусские, было высказано еще в середине прошлого века. Так, в исследовании А.Н. Гвоздева [Гвоздев 1925] содержится указание на особую группу пензенских южнорусских говоров, обладающих чертами сходства с традиционными среднерусскими говорами: в них наряду с фрикативным *γ*, мягким *-ть* в 3 лице глаголов и др. южнорусскими особенностями отмечены формы местоимения Р.–В. п. *меня*; для большинства из них характерно умеренное яканье. Позднее А.Н. Гвоздевым опубликовано описание взаимосвязанных говоров сел Кануевка и Владимировка Безенчукского района Куйбышевской (Самарской) области, в которых отмечается «переход южнорусского говора в среднерусский» [Гвоздев 1949, с. 311]. Южнорусский тип говора с. Кануевка обнаруживается в фонетике и морфологии, а на лексическом уровне наблюдается значительный перевес слов, свойственных также литературному языку (*зыбка, квашня, ковиш, сковородник, валец, суягная, лаять, брезговать*). С южнорусскими говорами данный говор сближается 1) последовательным ассимилятивно-диссимилятивным яканьем; 2) устойчивым употреблением местоимений Р.–В.п. с окончанием *-е* (*у мене*); 3) формами инфинитива на *-ть* вместо *-ти* (*привесть*), а также *исть* 'есть'. Проявлениями перехода в среднерусский тип являются последовательное произношение взрывного *z*, которое, однако, в слабой позиции конца слова оглушается в *x*, употребление форм глаголов 3 лица с твердым *-т* на фоне преобладающих форм на *-ть* (*идеть* и *идет*), вариативное употребление лексем *волк* и *бирюк, петь* и *играть* (песни). В говоре с. Владимировка процесс утраты южнорусских черт продвинулся дальше: там имеется уже *меня, тебя* и обычно твердое *-т* на конце глаголов 3 лица.

Нам довелось наблюдать говор с. Кануевка в 1996 году, то есть спустя 50 лет. Мы застали достаточно сформировавшийся среднерусский акающий говор, который характеризуется общей сглаженностью типологически значимых особенностей, при этом проявления южнорусского компонента единичны или лексикализованы. Об этом можно судить по суммарной характеристике устойчивых диалектных особенностей речи всех информан-

гов. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье в говоре сохраняется, но в заметно поколебленном виде. Предударное *'a* на месте *e* чаще всего произносится: 1) перед твердыми согласными (*в'арн'уль, с'астры, н'атр'овнь, р'амонт, пр'иб'ар'ајут, б'ада*) – в 67 % вариантов из полной выборки на данную позицию; 2) перед мягкими согласными, если под ударением – гласные верхнего подъема (*б'ар'им'ь, р'ад'искь, н'а н'ил'и*) – в 64 % вариантов на данную позицию; при этом доля варианта *'a* в общей выборке на позицию перед мягкими согласными составляет только 42 %. Следовательно, в целом ассимилятивно-диссимилятивное яканье в говоре изменилось в умеренно-диссимилятивное, а в речи двух из 35 старожилов, от которых были сделаны записи, зафиксировано умеренное яканье.

Кроме того, для всех старожилов села Кануевка характерны: *z* взрывной, который оглушается не только в *x* (*снех*), но и в *к* (*снек*), в глагольных формах 3 лица теперь преобладает твердое *-т* (случаи на *-ть* единичны), южнорусские формы типа *у мене* употребляются уже наряду с *у меня*. Всем представителям старшего поколения говора свойственно произношение твердого и полумягкого *ч* (случаи *ч'* единичны). В речи отдельных жителей отмечены также случаи стяжения в глагольных формах, твердое *с* в возвратных глаголах, инфинитив на *-чи* (*п'аччы*), формы местоимений типа *ан'э*. Все эти особенности инодиалектной основы являются устойчивыми в большинстве самарских акающих среднерусских говоров [Баженова 2001, с. 13,17].

По-видимому, это не случайные и не ошибочные фиксации, потому что подобная картина наблюдается еще, по крайней мере, в пяти селах Самарской области. На уровне предударного вокализма в таких говорах наблюдаются различные стадии трансформации исходной системы яканья, в основе которой когда-то была диссимиляция гласных, т. е. динамика развития предударного вокализма говора выстраивается в цепь перехода: ассимилятивно-диссимилятивное яканье – умеренно-диссимилятивное яканье – умеренное яканье.

Так, в селах Кануевка, Владимировка, Преполовенка, Дмитриевка Безенчукского района и в Ольгино Шигонского района обнаруживается ассимилятивно-диссимилятивное яканье новоселковского подтипа, и только в одном селе, Ломовке Пестравского района, ассимилятивно-диссимилятивное яканье имеет другое происхождение (культурковский подтип). Ассимилятивно-диссимилятивное яканье в этих говорах бытует в значительно поколебленном виде, и везде трансформация проявляется в утрате ассимиляции гласных и утверждении принципа умеренности. В 2019 году в Преполовенке мы наблюдали в речи нескольких наших информантов уже умеренное яканье.

Всем этим говорам свойственно произношение взрывного *z*, который оглушается в *x* (в Кануевке, Владимировке и Ольгино) или в *к* (в Преполовен-

ке, Ломовке, Дмитриевке). Во всех этих говорах преобладают формы 3 лица с твердым *-т* (случаи на *-ть* единичны). В 4 говорах из 6 утвердились формы местоимений типа *у меня* (в Преполовенке, Дмитриевке, Ольгино, Владимировке) и только в Кануевке и Ломовке архаической частью носителей говора продолжают употребляться южнорусские формы типа *у мене*. Следовательно, во всех шести говорах утвердился среднерусский акающий тип (взрывное *z*, местоимение типа *у меня*, твердое *-т* на конце глаголов 3 лица), при этом сохраняются реликты южнорусских особенностей, образующих в русских говорах двучленные соответствия. Такими реликтами являются случаи диалектного произношения *xв* и *x* вместо *ф*, которые отмечены только в Ломовке; возвратные формы с гласным перед постфиксом (*саил'ися*) – только в Дмитриевке; инфинитив типа *плесть, весть, ид-тить* – в 4 селах. В плане лексики все говоры отличаются заметным единством: *им* для них характерны слова *ухват, квашня, зыбка, валец, уповод, суганя, брезговать, разговаривать и баять, вопить* 'плакать по покойнику'; диалектные лексемы, характерные для южнорусских говоров нашего региона, отмечаются спорадически: *рубель* (а не *валец*), *упряжка* (а не *уповод*) – в Ломовке, *собака брешет* – в Преполовенке, *гутарить* (и *баять*) – во Владимировке.

Говоры, о которых идет речь в нашей статье, бытуют в центральных районах Самарской области в соседстве со среднерусскими акающими говорами. Однако южнорусские говоры, ставшие их основой, были, по-видимому, неоднородными, что проявляется в разнообразии подтипов ассимилятивно-диссимилятивного яканья и в неодинаковом составе сохранившихся южнорусских особенностей. Это подтверждается также историческими данными: основателями сел Кануевка, Владимировка, Преполовенка, Ольгино Безенчукского района были переселенцы из Рязанской губернии, в то время как Ломовка основана выходцами из-под Ломова Пензенской губернии (отсюда и топоним), Дмитриевка (первоначально – Беляки, по необычной манере переселенцев носить все белое) – крестьянами Витебской губернии. Почти во всех случаях есть указания на то, что на новых местах переселенцы встречались с каким-то исконным населением, например, в Кануевке – с самовольным поселением староверов.

В отдельных говорах можно наблюдать очевидные проявления полидиалектной основы. В 2005–2007 гг. нами были получены диктофонные записи говора из поселка Высотино Хворостянского района, основанного в 30-х годах XX века переселенцами из близлежащих сел Владимировки и Новотулки того же района. Оба материнских говора являются акающими, но первый – среднерусский с полидиалектной основой, в которой преобладает южнорусский компонент, а второй – южнорусский, имеющий в основе тульский говор. Различаются

они и по времени образования: Новотулка существует с 1825 г., а Владимировка основана в конце XVII века. Различия, свойственные материнским говорам, можно наблюдать только в речи пожилых коренных жителей поселка Высотино. У новотульских переселенцев – это произношение фрикативного γ (наряду с взрывным), непоследовательно фиксирующееся мягкое *-т* на конце глаголов 3 лица (*дадутъ*), диалектные формы инфинитива (*принестъ*), формы личных местоимений *у мене*; у владимировских отмечено последовательное произношение взрывного z , твердый *-т* на конце глаголов, формы типа *у меня*, диалектные формы инфинитива не зафиксированы.

Одним из «скрепов», объединяющих генетически разнородные материнские говоры в поселке, служит умеренное яканье, которое изначально было свойственно только одному из них – южнорусскому говору переселенцев из с. Новотулка. За небольшой период совместного существования в пределах одного населенного пункта сложился комплекс следующих общих для всех носителей говора черт: 1) твердое произношение долгого *ш* (*приташишьли*) и мягкое произношение *ч*; 2) стяжение в глагольных формах (*показывают*); 3) возвратные формы глагола с гласными перед *-ся* (*училися*). Процесс образования среднерусского говора идет достаточно интенсивно. Об этом свидетельствуют факты исчезновения γ , вытеснения южнорусских форм глаголов 3 лица и личных местоимений типа *у мене*.

Исторически полидиалектны и другие села, в которых определены вторичные говоры с южнорусскими основами. Так, например, в селе Долматовка Борского р-на (№ 165) существовало 7 концов, среди которых – тамбовский, пензенский, тульский, украинский («Хохлы»). Расшифрованные аудиозаписи диалектной речи, сделанные в Долматовке, свидетельствует о том, что говор в настоящее время однороден, хотя на картах он характеризуется по-разному: в поволжском атласе – как южнорусский, в самарском атласе – как среднерусский с южнорусской основой.

Многие признаки свидетельствуют о наличии вполне сформировавшегося среднерусского говора и в селе Утевка Нефтегорского района (№ 179): взрывное z , которое оглушается в большинстве случаев в *к* (80 % примеров от полной выборки), последовательное употребление форм местоимений типа *у меня*, твердое *-т* в окончаниях глаголов 3 лица. О южнорусской основе данного говора можно судить по случаям оглушения z в *х* (в 20 % примеров), единичным фиксациям произношения *у* вместо *в* в приставке и проклитике (*у л'ес, уз'ал, ус'у*) и *х* вместо *ф* (*хундáмент, гадóх, дялóх, сямяно́х*), инфинитивным образованиям типа *атнэсть* наряду многочисленными фиксациями инфинитивных форм, совпадающих с литературными. Признаки, совпадающие с литератур-

ными, можно дополнить следующим перечнем: мягкое *ч'* и долгое *ш'ш'*, значительно преобладающие (80 % от всего количества представленных примеров) формы местоимений с *и* в окончаниях (*ан'и, ма́йм*), мягкий *с* в постфиксе возвратных глаголов.

В полидиалектных селах присутствует южнорусская лексика: *сукотная* овца, собака *брешет*, *упряжка, пряжка, чапельник, рогач, люлька*.

В вокализме говоров с полидиалектными основами устанавливается принцип умеренности, т.е. разграничение произношения предупредительных гласных перед твердым и мягким согласными, что характерно на нашей территории главным образом для говоров среднерусских. Тридцать лет назад в них было зафиксировано умеренное яканье (в Утевке Нефтегорского р-на, Владимировке Хвостянского р-на) и умеренно-диссимилятивное (в Долматовке) – насколько возможно было это установить с учетом влияния литературного языка. Принцип умеренности, как наиболее соответствующий общерусской системе предупредительного вокализма, является в данном случае результатом нивелировки, приспособления диалектной системы к современным условиям бытования диалектов.

В ряде пунктов, отмеченных на картах атласов как среднерусские говоры, трансформация южнорусских основ только началась, о чем свидетельствуют недавние результаты обследования этих сел экспедициями под нашим руководством. В целом эти говоры (№ 217 – Верхние Росташи Большечерниговского р-на, № 199 – Александровка Большеглушицкого, № 187 – Криволучье-Ивановка Красноармейского р-на Самарской области) еще очень близки к южнорусским, хотя нивелирующее влияние литературного языка повсеместно сказывается. По историческим сведениям, их основу составили переселенческие тамбовские, орловские и рязанские говоры примерно в одно и то же время – в середине или второй половине XVIII века. Все они расположены на юге Самарской области, где среднерусские говоры бытуют в соседстве с южнорусскими, нередко в пределах одного населенного пункта.

В них отмечено произношение взрывного z и фрикативного γ , в архаическом слое говора преобладают глагольные формы 3 лица на *-ть*, наблюдается вариативность в употреблении форм *у меня* и *у мене* с явным преобладанием первых. Им свойственно ассимилятивно-диссимилятивное яканье, более или менее сохранившееся, которое под влиянием соседствующих среднерусских говоров и, конечно, литературного языка трансформируется, однако диссимилятивная (южнорусская) основа везде проявляет устойчивость.

Так, в системе ассимилятивно-диссимилятивного яканья села Верхние Росташи (№ 217 на картах поволжских атласов) во всех позициях отме-

чаются предударные гласные **и**, **е** и литературный вариант **е^л**. Причем диалектный вариант **'а** на месте гласных неверхнего подъема является преобладающим лишь в положении перед твердым согласным ударного слога (78 % от общего количества примеров на данную позицию), а в предударном слоге перед мягким согласным произносится чаще **и**, **е^л** или **е**; причем в соседстве с мягкими согласными вариант **'а** скорее всего отмечается перед ударными гласными верхнего подъема (29 % случаев на данную позицию), перед другими ударными гласными удельный вес варианта **'а** еще меньше: 19 % фиксаций перед средними ударными гласными и 17 % перед слогом с широким **а** под ударением. Следовательно, ведущим принципом в системе яканья села Верхние Росташи является теперь принцип умеренности; принцип диссимиляции в произношении гласных сохраняется в сильно поколебленном виде; ассимиляция в вокализме почти полностью утрачена. Можно предположить, что яканье в говоре представляет собой ступень перехода от диссимилятивного яканья к яканью умеренному, обусловленного общими тенденциями развития южнорусских систем вокализма. В говоре с. Криволучье-Ивановка (№ 187) на основании нашей выборки из аудиозаписей 2010 года установлено уже достаточно поколебленное ассимилятивно-диссимилятивное яканье, однако сохранившее признаки кидусовского подтипа. А в говоре с. Александровка (№ 199), обследованном нами с экспедицией в 2016 г., подтип ассимилятивно-диссимилятивного яканья установить уже не удастся.

Кроме того, этим говорам свойственно последовательно мягкое произношение шипящих и остаточные проявления диалектного произношения **в** и **ф**, прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных (*Петькя*), инфинитив на **-ть** (*идтить, принесть*), возвратные глаголы с **-ся** после гласного (*сашилися*), согласование существительных среднего рода по женскому, лексикализация диалектного произношения ударного гласного в слове *исть* 'есть'. В словарном составе данных говоров присутствуют лексемы *люлька, дежа, чепельник, рогач, овца котная, котух, играть песни,*

укра 'льдина', *кричать* (по покойнику), *гребовать* и др.

Заключение

С полной уверенностью утверждать наличие среднерусского типа и южнорусских основ в описываемых говорах можно только при условии достаточного объема сведений по типологически значимым уровням диалектного языка, на которых системные отношения проявляются со всей очевидностью и которые представлены на лингвистических картах устойчивыми изоглоссами. В первую очередь следует учитывать фонетические особенности, среди которых для среднерусского акающего типа первостепенное значение имеет предударный вокализм и произношение согласных, во вторую очередь – морфологические и собственно лексические явления, входящие в двучленные однопланные соответствия.

По-видимому, вторичные говоры с южнорусскими основами в Среднем Поволжье довольно распространены, хотя встречаются значительно реже других типов среднерусских акающих говоров. Присутствие признаков южнорусских материнских основ можно предполагать также в саратовских среднерусских говорах, отмеченных индексами 364, 366, 432, 454, 455, 456, 467 [Баранникова 2000].

Если среднерусские акающие говоры с севернорусской основой отличаются единством типологических признаков, то вторичные говоры, отмеченные на картах поволжских атласов как среднерусские с южнорусской основой (или как еще южнорусские), таким единством состава типологических характеристик не отличаются, что обусловлено неодинаковым характером основы (моно- или полидиалектной), различными условиями бытования, разновременностью образования и генетической неоднородностью, а также многими экстралингвистическими факторами.

Дополнительные сведения о формировании вторичных говоров уточняют сведения поволжских атласов и могут быть использованы в структурно-типологической классификации диалектных явлений различных уровней, включая лексический.

Материалы исследования

Баженова 2001 – *Баженова Т.Е.* Типология систем предударного вокализма в среднерусских акающих говорах Самарской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара: СГПУ, 2001. 16 с.

Библиографический список

Барабина, Зиброва 2002 – *Барабина М.Н. Зиброва Т.Ф.* О некоторых особенностях бытования современных говоров на территории позднего заселения (на материале говоров Самарского края) // Аванесовские чтения: Международная научная конференция: тезисы докладов, Москва, 14–15 февраля 2002 года. Москва: Макс Пресс, 2002. С. 23–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30250688>.

Баранникова 2000 – *Баранникова Л.И.* Атлас говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2000. 104 с.

- Баранникова 1975 – *Баранникова Л.И.* Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 22–31. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s0373-658x0000621-6-1-ru-257/>.
- Гвоздев 1949 – *Гвоздев А.Н.* Говор села Кануевки Безенчукского района Куйбышевской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Москва; Ленинград: ИРЯ АН СССР, 1949. Т. II. С. 290–311.
- Гвоздев 1925 – *Гвоздев А.Н.* Типы великорусских говоров Пензенской губернии // Труды Пензенского общества любителей естествознания и краеведения. Пенза, 1925. Вып. VI. 20 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/375981>.
- Дурново, Соколов, Ушаков 1915 – *Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 5. Москва: Синодальная типография, 1915. 132 с.
- Зиброва 2014 – *Зиброва Т.Ф.* Лингвогеографические и экстралингвистические факторы в формировании позднепереселенческих говоров // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2014 / Ин-т лингв. исслед. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. С. 317–325. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23245225&pf=1>.
- Малаховский 1949 – *Малаховский В.А.* Новые данные о говорах Куйбышевской области // Материалы и исследования по русской диалектологии / ИРЯ АН СССР. Москва; Ленинград, 1949. Т. II. С. 217–241. URL: <https://psihdocs.ru/prof-v-a-malahovskij-govori-kujbishevskoj-oblasti.html>.
- Мурзаева 2005 – *Мурзаева Т.И.* Владимирско-поволжские говоры Саратовской области в их современном состоянии // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов: Научная книга, 2005. С. 191–197.
- Мурзаева 2016 – *Мурзаева Т.И.* Из истории классификации говоров Саратовской области // Русская устная речь: материалы Всероссийской научной конф. с междунар. участием «II-е Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» (Саратов, СГУ, 18–19 ноября 2015 г.). Вып. 2. Саратов: Амирит, 2016. С. 180–186. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25425196&pf=1>.
- Мурзаева 2015 – *Мурзаева Т.И.* Судьба говоров курско-орловского типа на территории позднего заселения // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2015. С. 148–150. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24779980&pf=1>.
- Мурзаева 2015 – *Мурзаева Т.И.* Современные процессы в говорах Саратовской области // Язык в пространстве речевых культур: к 80-летию В.Е. Гольдина. Москва; Саратов: Амирит, 2015а. С. 72–78. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24267551>.
- Мызников 2017 – *Мызников С.А.* Некоторые аспекты изучения русских говоров позднего заселения // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2017. Т. 23. Спец. вып. С. 122–127. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29925128>; https://ksu.edu.ru/files/VESTNIK_KSU/NOMERA_VESTNIK_KSU/2017/Vestnik_KSU_SV_2017.pdf.
- Мызников 2005 – *Мызников С.А.* Русские говоры Среднего Поволжья: Республика Чувашия, Марий Эл. Санкт-Петербург: Наука, 2005. 636 с. URL: <https://bookree.org/reader?file=805927>.
- Скобликова, Глебова 1982 – *Скобликова Е.С., Глебова А.В.* К проблеме интеграции окающих говоров Среднего Поволжья // Вопросы русской диалектологии. Куйбышев: КГУ, 1982. С. 77–102.
- Супрун, Брысина 2015 – *Супрун В.И., Брысина Е.В.* (2015) Языковая ситуация в Волгоградской области // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (98). С. 154–160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-v-volgogradskoy-oblasti/viewer>.
- Цыганова 2015 – *Цыганова Я.М.* К истории географического наименования «Среднее Поволжье» // Вестник СамГУ. 2015. № 11 (133). С. 154–159. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25715629>.

References

- Barabina 2002 – *Barabina M.N., Zibrova T.F.* (2002) On some features of the existence of modern dialects on the territory of late colonization (on the material of the dialects of the Samara region). In: Avanesov readings: International scientific conference: abstracts. Moscow, February 14–15, 2002. Moscow: Maks Press, pp. 23–26. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30250688>. (In Russ.)
- Barannikova 2000 – *Barannikova L.I.* Atlas of the Middle and Lower Volga region dialects. Saratov: Saratov. gos. un-t, 104 p. (In Russ.)
- Barannikova 1975 – *Barannikova L.I.* (1975) Dialects of late colonization territories and the problem of their classification. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 2, pp. 22–31. Available at: <https://arxiv.gaugn.ru/s0373-658x0000621-6-1-ru-257/>. (in Russ.)
- Gvozdev 1949 – *Gvozdev A.N.* (1949) Subdialect of the village Kanuevka of Bezenchuk district of the Kuibyshev region. In: *Materials and research on Russian dialectology*. Moscow; Leningrad: IRLA AN SSSR, vol. II, pp. 290–311. (In Russ.)
- Gvozdev 1925 – *Gvozdev A.N.* (1925) Types of Russian dialects of the Penza province. In: *Trudy Penzenskogo obshchestva liubitelei estestvoznaniia i kraevedeniia*. Penza, Issue VI, 20 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/375981>. (In Russ.)

Durnovo, Sokolov, Ushakov 1915 – Durnovo N.N., Sokolov N.N., Ushakov D.N. (1915) Experience of dialectological map of the Russian language in Europe with the appendix of the essay of Russian dialectology. In: *Trudy Moskovskoi dialektologicheskoi komissii. Вып. 5*. Moscow: Sinodal'naia tipografia, 132 p. (In Russ.)

Zibrova 2014 – Zibrova T.F. (2014) Linguogeographic and extralinguistic factors in the formation of late-colonization dialects. In: *Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research) 2014*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 317–325. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23245225&pff=1>. (In Russ.)

Malakhovsky 1949 – Malakhovsky V.A. (1949) New data on dialects of the Kuibyshev region. In: *Materials and research on Russian dialectology*. Moscow; Leningrad, Vol. II, pp. 217–241. Available at: <https://psihdocs.ru/prof-v-a-malahovskij-govori-kujbishevskoj-oblasti.html>. (In Russ.)

Murzaeva 2005 – Murzaeva T.I. (2005) Vladimir-Volga dialects of the Saratov region in their current state. In: *Language and society in synchrony and diachrony*. Saratov: Nauchnaia kniga, pp. 191–197. (In Russ.)

Murzaeva 2016 – Murzaeva T.I. (2016) From the history of the classification of dialects of the Saratov region. In: *Russian oral speech: materials of the All-Russian scientific conference with international participation «II Barannikov readings. Oral speech: Russian dialectal and colloquial culture of communication»*. (Saratov, SGU, November 18–19, 2015). Issue 2. Saratov: Amirit, pp. 180–186. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25425196&pff=1>. (In Russ.)

Murzaeva 2015 – Murzaeva T.I. (2015) The fate of the dialects of the Kursk-Oryol type on the territory of late colonization. In: *Actual problems of Russian dialectology. To the 100th anniversary of the publication of the Dialectological map of the Russian language in Europe*. Moscow: Institut russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova RAN, pp. 148–150. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24779980&pff=1>. (In Russ.)

Murzaeva 2015 – Murzaeva T.I. (2015) Modern processes in the dialects of the Saratov region. In: *Language in the space of speech cultures: to the 80th anniversary of V.E. Gol'din*. Moscow; Saratov: Amirit, pp. 72–78. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24267551>. (In Russ.)

Myznikov 2017 – Myznikov S.A. (2017) Some aspects of the Russian patois study in the territories of later settling. In: *Vestnik of Kostroma State University*, 2017, vol. 23, special edition, pp. 122–127. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29925128>; https://ksu.edu.ru/files/VESTNIK_KSU/NOMERA_VESTNIK_KSU/2017/Vestnik_KSU_SV_2017.pdf. (In Russ.)

Myznikov 2005 – Myznikov S.A. (2005) Russian dialects of the Middle Volga region: Republic of Chuvashia, Mari El. Saint Petersburg: Nauka, 636 p. Available at: <https://bookree.org/reader?file=805927>. (In Russ.)

Skoblikova, Glebova 1982 – Skoblikova E.S., Glebova A.V. (1982) On the problem of integration of dialects with okanie in the Middle Volga region. In: *Problems of Russian dialectology*. Kuibyshev: KGU, pp. 77–102. (In Russ.)

Suprun, Brysina 2015 – Suprun V.I., Brysina E.V. (2015) Language situation in the Volgograd region. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 3 (98), pp. 154–160. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-v-volgogradskoy-oblasti/viewer>. (In Russ.)

Tsyganova 2015 – Tsyganova Ya.M. (2015) On the history of geographical nomination «Middle Volga». *Vestnik of Samara State University*, no. 11 (133), pp. 154–159. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25715629>. (In Russ.)